

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ

© 2010 г. Е. Гонтмахер

ОТ ДОГОНЯЮЩЕЙ К ПОИСКОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Находящийся в центре общественных, политических и экспертных дискуссий призыв к модернизации России требует встраивания в систему внешних ограничителей (ускорителей). Ведь речь идет о том, чтобы запустить и успешно провести этот процесс в координации с быстро меняющейся мировой экономикой, системой международных отношений и, конечно, с учетом новых тенденций в общественно-политическом и социальном развитии наиболее влиятельных стран.

Это существенно усложняет задачу. Одно дело – взять за образцы нынешние институты обществ, которые мы сами должны признать передовыми. Совершенно другая задача – стремиться не повторять механически то, что в этих странах изживается под влиянием общественного прогресса, а проанализировать наметившиеся там тенденции развития и стремиться к их имплантации в России. То есть, иными словами, нужно выбрать между догоняющей модернизацией и модернизацией *поисковой*, когда Россия активно включается в мейнстрим идейных поисков, которые сейчас идут на Западе. Думаю, что второй вариант, несмотря на свою сложность, только и может дать шанс на то, что Россия, наконец, попадет в когорту цивилизационных маяков, вернет себе (уже в новом, несоветском качестве) статус страны первого ряда. Страны, которые обладают этим статусом, находятся в авангарде мирового развития – от изобретения новых технологий до формирования реального социального государства, жизнь в котором является заветной мечтой людей из стран второго, третьего и последующих рядов.

Очевидно, что нынешняя Россия не только не входит в число стран первого ряда, но быстро теряет остающиеся шансы когда-либо попасть в

него. Главная причина этого – архаичность (а то и простое отсутствие) институтов, механизмов и процедур, четко регламентирующих экономическую, социальную и общественно-политическую жизнь в стране. Развитие происходит в режиме “ручного управления”, “по понятиям”, по знакомству и т.д. И все это окутано созданными за последние годы имитациями конкуренции, выборов, свободы слова. Подробно анализировать это состояние – не цель данной статьи. Единственное, на что хотелось бы обратить внимание, – это крайняя управленческая (а значит, и экономическая, социальная и политическая) неэффективность такого рода системы принятия решений. Например, страна так и не смогла воспользоваться свалившимися на нее в начале 2000-х годов деньгами от сырьевого экспорта для реальной диверсификации экономики, а, следовательно, и повышения ее конкурентоспособности в мире. В социальной сфере государство ухитрилось не уменьшить, а увеличить (даже согласно официальной статистике¹) различия в доходах населения, расколоть систему здравоохранения на два сектора (формально бесплатный, предоставляющий низкокачественные услуги, и формально и неформально платный), снизить качество как общего, так и профессионального образования. В целом по индексу развития человеческого потенциала Россия на пике экономического роста 2000-х занимала всего лишь 71-е место в мире².

Именно поэтому суть предстоящей модернизации – не просто отказ от нынешних порочных российских практик, и не просто заимствование нынешних передовых институтов, а участие в формировании обновленных институтов экономической и социально-политической жизни цивилизационного пространства, которое весьма условно можно назвать европейским, и их внедрение в ткань российской жизни.

ГОНТМАХЕР Евгений Шлемович, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор экономических наук, профессор (e.gont@mail.ru).

¹ См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm.

² См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%A7%D0%A0#.D0.9E.D1.82.D1.87.D1.91.D1.82_2009.

На этом пути есть несколько ловушек.

Первая из них: поддаться соблазну свести модернизацию лишь к некоему материально осязаемому и точечному проекту типа иннограда Сколково. Вот что пишет в своей статье “Как создать Кремниевую долину” один из крупнейших западных экспертов Пол Грэм:

“Если вы хотите создать вторую Кремниевую долину, то вам необходим университет, но один из лучших в мире. Он должен быть достаточно хорош, чтобы притягивать лучших за тысячи километров. (...) Однако даже выдающегося университета недостаточно. Это лишь зерно. Его надо посадить в подходящую почву, иначе оно не прорастет. Чтобы инновационные проекты появлялись как грибы после дождя, университет должен быть расположен в городе, который имеет другие достоинства, кроме университета. Как показывает опыт (...), привлекает город, имеющий индивидуальность. Он не должен производить впечатление только что сошедшего с конвейера, где всюду однотипные новостройки. Поэтому нельзя доверять правительству решение, каким быть будущему городу. И конечно, он должен быть пронизан духом молодости, потому что инновации – дело молодых”³.

Это описание процесса никак не подходит к “Сколково”: во-первых, нет университета (например, типа Стэнфорда) и не планируется его создать; во-вторых, находящийся рядом город Москва быстро теряет свою индивидуальность и поражен всеми пороками современной России; и, в-третьих, государство определяет, каким быть будущему этому проекту.

Но не менее интересно другое. Силиконовая долина в том виде, в каком ее представляют себе наши идеологи, в развитых странах на самом деле уходит в прошлое.

Вот что пишет, в частности, известный американский социолог Ричард Флорида в книге “Креативный класс: люди, которые меняют будущее”, изданной в 2007 г.:

«Мне трудно пропагандировать такие места, как Силиконовая долина, которые относятся к классическим высокотехнологичным сообществам с низким социальным капиталом, населенным индивидуалистами, не интересующимися политикой, актуальными проблемами или чем-либо еще за пределами их собственной жизни. Переход к такому обществу меня беспокоит. С другой стороны, я не думаю, что было бы жела-

тельно – или даже возможно – вернуться к тому типу общества, который существовал раньше. Он попросту не соответствует принципам, по которым люди живут и работают в креативной экономике. Существует реальная потребность в новой модели, и ее осознает растущее число людей. Все больше и больше участников моих интервью и фокус-групп уезжает из мест вроде Силиконовой долины, чтобы строить настоящую жизнь в реальном месте. Они хотят найти баланс между индивидуализмом и принадлежностью к некоему сообществу, причем не старообразному сообществу романтиков типа Патнэма, а новому, более открытому типу. Я считаю, что такие города, как Чикаго, Сиэтл или Миннеаполис, с их высокими показателями в “индексе креативности”, богатым историческим наследием и развитым в разумных пределах чувством сообщества, обладают потенциалом для сочетания инноваций и экономического роста с аутентичным сообществом и более удачным образом жизни. За пределами США хорошего баланса между открытостью, терпимостью и ярко выраженным чувством сообщества сумели достичь такие города, как Дублин и Торонто»⁴.

Это к вопросу о территориальных сгустках интеллекта уже не XX, а XXI в. На майской (2010 г.) встрече руководства Российского союза промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленной палаты России (ТПП) с первым заместителем руководителя администрации президента Владиславом Сурковым глава ТПП Евгений Примаков недоумевал: если стоит задача построения инновационной среды в стране, то почему государство решило создать территориально замкнутый инноград. Непонятно, каким образом “Сколково” будет взаимодействовать с уже существующими научными центрами – НИИ, технопарками, особыми экономическими зонами. Неясно, каким государство видит взаимодействие между предпринимателями-резидентами иннограда и остальными бизнесменами⁵. Эти вопросы Евгения Примакова указывают на очень важный аспект российской модернизации: последовательность действий по ее запуску.

Можно, как предлагается авторами идеи “Сколково”, начать с чистого листа с надеждой на то, что когда-нибудь из этого стерильного инкубатора пройдет модернизационный сигнал по всей стране. Но слишком велик риск того, что без создания хотя бы базовой общенациональной институциональной среды (свобода частной инициативы;

⁴ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007 (<http://www.urban-club.ru/?p=87>).

⁵ См.: <http://finam.info/currency/news22C5E00001/default.asp>.

³ Перевод опубликован в Российской газете от 17.03.2010 г.

честная конкуренция – и не только в экономике; независимая судебная система; эффективные правоохранительные органы; государство, адекватное масштабу стоящих перед страной задач и т.д.) даже самые вроде бы перспективные территориально привязанные инновационные проекты могут оказаться неудачными. Это тем более вероятно в связи с упомянутой выше тенденцией к разукрупнению, а затем и отмиранию всякого рода территориально обособленных “долин” в наиболее развитых странах как рудиментов XX в.

Современные информационные технологии и новейшие средства коммуникации позволяют успешно работать в исследовательской сфере коллективам, объединившим людей, которые проживают в разных уголках земного шара. Поэтому российское увлечение территориально обособленными научными центрами – это в лучшем случае элемент догоняющей модернизации, которая не позволяет России, как уже отмечено, даже в исторической перспективе войти в круг стран первого ряда.

Вторая ловушка, органически вытекающая из только что описанного “сколковского синдрома”: ограничение модернизации только технологическим аспектом. При этом предполагается, что государство каким-то чудесным образом (то есть, не поменяв институциональную среду) запускает процесс обновления основных фондов в экономике. Но эта схема действий может быть относительно эффективна только на стадии индустриализации, когда государство напрямую контролирует все основные производственные активы и является практически единственным источником инвестиций. Характерный пример – Советский Союз конца 20-х – начала 30-х годов прошлого века. А если говорить о политической оболочке этого сценария, то его реализация возможна только в условиях тоталитарного или авторитарного режима. Свежие примеры из практики последних десятилетий – Малайзия, Южная Корея и, конечно, Китай.

Можно ли установить статистическую связь между уровнем демократии и экономическим ростом?

Исчерпывающим образом об этом пишут Сергей Гуриев и Олег Цывинский: “Самый простой метод – сравнить, как быстро растут страны с разным уровнем демократии. В последние 15 лет был проведен целый ряд межстрановых эконометрических исследований экономического роста. Эта работа, сделанная несколькими экономистами, позволяет сделать два основных вывода. Первый: экономики демократий и диктатур растут в

среднем примерно одним и тем же темпом. Это результат работ известного макроэкономиста Роберта Барро, который учитывает все общепринятые факторы, влияющие на экономический рост: начальный уровень дохода, уровень образования и т.д. Второй вывод: рост в демократиях существенно более устойчив, чем в диктатурах. Экономисты Тимоти Бесли и Маса Кудамцу в недавней статье показывают, что если посмотреть на изменение темпов роста в одной и той же стране, то окажется, что волатильность роста в демократиях гораздо ниже, чем в диктатурах. Более того, подавляющее большинство и экономических прорывов, и экономических катастроф произошло в диктатурах.

Впрочем, межстрановые исследования не всегда точны – ведь все различия между странами учесть трудно. Поэтому экономисты изучают не только средние уровни роста между странами, но и рост в одной и той же стране при смене режима – другими словами, стремятся понять, как переходы от диктатуры к демократии и обратно влияют на рост. Такую работу в 2008 г. проделали ведущие специалисты в области политической экономии Торстен Перссон и Гвидо Табеллини. Они проанализировали факторы, влияющие на переход к демократии или диктатуре. Перссон и Табеллини сопоставили экономический рост в странах, похожих с точки зрения вероятности такого перехода, сравнив страны, которые перешли к демократии, с теми, которые остались диктатурами. Оказалось, что переход к демократии повышает средний темп роста на 1% в год в течение 10 лет после перехода. Переход к диктатуре снижает темп роста на 2% в год в течение 10 лет.

Убедительны ли такие статистические результаты? В конце концов достаточно одного примера успешной экономической модернизации. Если Россия успешно пойдет по пути Южной Кореи, то разве важно, что Корея является исключением, а не правилом? В этом случае как раз и полезна работа Бесли и Кудамцу, которые сравнивают успешные и неуспешные авторитарные режимы, используя не только количественные, но и качественные методы. Это позволяет ответить на вопрос, почему одни авторитарные режимы добиваются успеха в модернизации, а другие нет. Оказывается, что успешные авторитарные режимы отличаются двумя ключевыми чертами – регулярной ротацией руководителей и меритократией (системой, поощряющей карьерный рост по заслугам, а не в силу лояльности или коррупции). В таких режимах правящая элита удерживается у власти именно потому, что ее лидеры регулярно обнов-

ляются, и потому, что к власти приходят наиболее перспективные представители следующего поколения. Именно так устроена система власти в Китае и, к сожалению, не так – в России”⁶.

Что касается *третьей ловушки* на пути к эффективной модернизации страны, то это втягивание интеллектуальной элиты страны в дискуссию, подвергающую сомнению перспективность таких базовых институтов современной европейской (а точнее – европоцентричной) цивилизации, как демократия и рыночная экономика.

Конечно, оба этих института находятся в кризисе, как показали события последних нескольких лет. Но кризис кризису рознь. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда сбрасывается отжившая, устаревшая оболочка, но не уничтожаются базовые основы. Наоборот, их функционирование должно получить “второе дыхание”. Вовремя увидеть это и не препятствовать нормальному развитию событий – в этом, видимо, и состоит суть начавшейся модернизации цивилизации европейского типа, в которой деятельное участие должна принять и Россия.

ОБЩЕСТВО–ЛИЧНОСТЬ–ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Какие же базовые основы цивилизации европейского типа, оставаясь неизменными, сейчас начинают приобретать новый вид?

Во-первых, это положение личности в обществе. Путем долгого развития в “странах современной демократии”, по выражению президента Д. Медведева⁷, сложился баланс между свободой индивидуума и деятельностью государства. Отброшены в прошлое как морально и социально неприемлемые, а также экономически неэффективные (см. выше) всевозможные тоталитарные, авторитарные и корпоративистские модели, “управляемые” и прочие подобные демократии.

Во-вторых, саморегулирование общественно-политических процессов, работа институтов, а не “ручной режим” со стороны государства.

В-третьих, продвижение к непротиворечивому сосуществованию универсальных ценностей, унифицирующих реалий глобализирующегося мира и этнической, религиозной и культурной идентичности.

⁶ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/02/224353>.

⁷ См.: http://www.yaroslavl-2009.ru/ru/part56/part159/public_russia_voice

В-четвертых, честная конкуренция – прежде всего в экономике и политике.

В-пятых, социальная интеграция, которая предполагает, что ни одна из сколько-нибудь значимых групп населения в рамках институтов социальной солидарности не оказывается выброшенной за борт общественной жизни.

Что же меняется? Что отмирает, а что нарождается?

Прежде всего формируется *новая система жизненных приоритетов* как личности, так и общества в целом. Простая погоня за ростом личного состояния или ВВП страны перестает быть мерилем и индивидуального, и национального успеха. Конечно, это становится возможным только при прохождении значимого периода так называемого “общества потребления”, то есть должно произойти насыщение преимущественной части населения (например, среднего класса) материальными благами, после чего и начнется переориентация поведения. В связи с этим следует обратить внимание на недавнее утверждение нобелевского лауреата Джозефа Стиглица о том, что для оценки экономического состояния нужно больше сосредоточиваться на уровне жизни каждого человека. По словам этого выдающегося экономиста, последние годы мир с нездоровым интересом следил за ростом ВВП, то есть за количеством товаров и услуг, которое производит экономика. Поглощенность этим единственным индикатором заставила проглядеть другие важные факторы – такие как социальную цену безработицы и воздействие загрязнения окружающей среды на здоровье нации. Банкам было разрешено выдавать невероятные суммы денег как бы для “подслащивания” сегодняшнего дня в залог завтрашнего, тем самым готовя площадку для самого серьезного кризиса с 30-х годов XX в.⁸

“Мы смотрели на ВВП как на показатель, доказывавший, как хорошо все идет, но этот показатель не мог ответить на вопрос – насколько долго может продержаться этот рост. Поэтому то, что начиналось как оценка состояния рынка, переросло в способ оценивать социальную характеристику, что в корне неверно”, – заявил Стиглиц.

Вместо того, чтобы концентрироваться на товарах и услугах, которые производит экономика, властям стоит сосредоточиться на материальном благосостоянии людей, на оценке их доходов и потребления, одновременно на состоянии их здоровья и образовательного уровня. Раньше кре-

⁸ См.: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/2009/09/23/844148>

днты стимулировали потребление, а потребление переводилось в более быстрый экономический рост. В теории все хорошо, и казалось, что это может длиться долго⁹.

Можно вспомнить и знаменитый доклад “Пределы роста” (1972 г.), в котором содержался следующий вывод: “Если современные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и истощения ресурсов будут продолжаться, в течение следующего столетия мир подойдет к пределам роста. В результате, скорее всего, произойдет неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объем производства”¹⁰.

Осознание тупика в дальнейшем наращивании материального потребления уже начало отражаться и на поведении людей. Упомянем, в частности, распространяющееся вегетарианство, *downshifting*, и главное – начавшееся коренное изменение поведения в сфере индивидуального потребления природных ресурсов. Крайними проявлениями такого сдвига являются радикальный антиглобализм, рост популярности левозэкстремистских движений, настаивающих на “отмене капитализма”.

Мы, глядя из России на дискуссии о “зеленой” экономике и энергосбережении, зачастую видим лишь их экономическую сторону (“хотят сэкономить деньги”). На самом деле все намного глубже. Речь идет о смене ценностных критериев и оценок удовлетворенности собственным существованием.

Если во время становления демократии происходил процесс появления совокупного гражданина, который отдалял себя от государства на то расстояние, которое его устраивало, то сейчас происходит то, что можно назвать “перепозиционированием” человека европейской цивилизации по отношению к окружающей его природной среде. От добычи, эксплуатации ресурсов и “проедания” природы мы наблюдаем переход к партнерству с ней.

Очевидные экономические последствия такого перехода:

- ограничение на долгосрочную перспективу количественного объема материального потребления нынешними стандартами среднего слоя европейского среднего класса;

- становящееся нормой вторичное использование бытовых и промышленных отходов, максимальное расширение масштабов безотходных (в смысле выбросов в окружающую среду) производств;

- сокращение потребления продуктов переработки нефти (например, бензин), отказ от топливеемких видов транспорта (устаревших типов автомобилей и др.), массовый переход на использование велосипедов и экологически чистого общественного транспорта;

- форсированное развитие альтернативных источников энергии, не требующих добычи невозобновимых ресурсов.

Но это лишь одно из проявлений глобального процесса резкого возрастания роли этики в жизни современной европейской цивилизации. Уважение к окружающей среде, чувство единения с ней рождает и другие нормы поведения в обществе. Так, окончательно уходит в прошлое фетишизация материального успеха, слабеет стремление во что бы то ни стало стать богатым. Намного больше ценится – как с точки зрения общества, так и отдельного индивида – душевное равновесие, достоинство, соблюдение прав личности, нравственность. Это накладывает отпечаток и на современную политическую жизнь: считается неприемлемым брать и давать взятки (хотя такие случаи время от времени все же происходят), отвращение вызывает чванство политиков и государственных мужей, их неискренность.

Конкретные примеры можно увидеть хотя бы в связи с поведением теперь уже бывшего премьер-министра Великобритании Гордона Брауна.

В апреле 2009 г. он публично принес извинения за действия своего советника Дэмиена Макбрайда¹¹.

В мае 2009 г. он извинился за допущенные парламентариями злоупотребления системой возмещения расходов и даже пригрозил санкциями в отношении провинившихся избранников народа¹².

В апреле 2010 г. Гордон Браун извинился перед членами правящей Лейбористской партии за бестактное поведение по отношению к избирательнице из Большого Манчестера¹³.

¹¹ См.: <http://www.meta.kz/94424-%C3%EE%F0%E4%EE%ED-%C1%F0%E0%F3%ED%E8%E7%E2%E8%ED%E8%EB%F1%FF-%E7%E0-%E3%F0%FF%E7%ED%FB%E5-%EF%EB%E0%ED%FB-%F1%EE%E2%E5%F2%ED%E8%EA%E0.html>

¹² См.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=285449>

¹³ См.: http://www.ng.ru/world/2010-04-30/7_gb.html

⁹ См.: там же.

¹⁰ <http://alt-future.narod.ru/Future/predel.htm>.

Такого рода сбой во многом предопределили исход парламентских выборов 2010 г.: лейбористы уступили власть коалиции консерваторов и либерал-демократов. Лидеры последних Дэвид Кэмерон, и особенно Ник Клегг, смогли резко поднять рейтинг своих партий, в том числе и благодаря стилю поведения. Не надо недооценивать такие, казалось бы, мелкие, с нашей, российской, точки зрения, факты, как передвижение по Лондону этих молодых политиков в основном на велосипеде, отсутствие на их автомашинах всяческих “мигалок”, “спецномеров”¹⁴.

Сфера политики также начинает очень сильно меняться из-за быстрого распространения Интернета. По мнению президента Д. Медведева, развитие коммуникационных технологий и рост образованности граждан в обозримом будущем сделают возможным постепенный переход от представительной демократии к прямой. Традиционно представительную демократию рассматривали как высшую форму демократии, которая реализуется через депутатов, представляющих волю народа. Дмитрий Медведев считает, что эта норма во многом устарела. “Представительная демократия лучше всего, но это устаревшее представление. С учетом того, какой уровень образования у наших граждан и вообще в мире, я абсолютно уверен, что элементы прямой демократии – не только обсуждение животрепещущих вопросов, не только социологии, просто дискус-

сии в блогах, а именно прямой демократии, – будут появляться в нашей жизни”, – сказал он¹⁵.

Конечно, речь не идет об отмене парламентов. Но процесс подготовки и принятия решений, касающихся любого уровня власти – от муниципалитета до страны – радикально меняется. Становится невозможным келейность, корыстный лоббизм, всевозможные неформальные сговоры между лицами, принимающими властные решения. И дело здесь не только в транспарентности. От пассивного созерцания граждане имеют все возможности перейти к непосредственному участию, во-первых, в выдвижении инициатив, во-вторых, в их обсуждении (с обязательным участием государственных лиц) и, в-третьих, скорее всего в голосовании. Институт референдумов может обрести “второе дыхание”, превратившись, благодаря Интернету, из громоздкой и дорогостоящей процедуры в моментальное волеизъявление.

В этих условиях *сильно меняется роль политических институтов*. Парламенты, кроме голосований по второстепенным вопросам, становятся прежде всего местом для дискуссий, где наиболее опытные и квалифицированные люди предъявляют друг другу и обществу аргументы, которые и предопределяют исход всенародного интернет-волеизъявления. Политические партии все более становятся виртуальными, наподобие недавно возникших в США “Tea Party Movement” (<http://teapartypatriots.ning.com>) и “Coffee Party Movement” (<http://coffeepartymovement.net>). Общественные организации могут официально не регистрироваться, имея виртуальные и фактически бесплатные офисы, в то же время организуя людей на действия в чрезвычайно короткие сроки (в течение нескольких часов, например) и на больших расстояниях. Фактически речь идет о создании сети транснациональных НКО, которые могут быть объединены общей проблемой, например экологией, которая, как известно, не признает административных и государственных границ.

В такой среде существенно трансформируется и роль государства. Оно лишается еще большего числа функций (первая такая волна сокращений прошла при переходе от тоталитаризма или авторитаризма к демократии), которые передаются саморегулируемым и общественным организациям. При этом оставшиеся государственные функции зачастую передаются в регионы и (или) муниципалитеты. За общенациональным уровнем остается, прежде всего, межгосударственное представительство, оборона и безопасность, на-

¹⁴ «Новый британский премьер никак не может найти общий язык со своей службой безопасности. Причина – проста и по-человечески понятна: молодой, спортивный, раскрепощенный Дэвид Кэмерон не хочет залезать в “клетку” и смотреть на своих избирателей сквозь “прутья”.

Он хочет быть свободным человеком в свободной стране, по которой он еще две недели назад лихо колесил на велосипеде. Упорствуя в ереси, Кэмерон самовольно распространил “билль о правах человека” на свой нынешний статус премьер-министра. Он не садится в бронированный лимузин, а вместо этого выходит из здания парламента и на своих двоих отправляется в премьерскую канцелярию, благо от Вестминстера до Даунинг-стрит рукой подать. Вокруг Дэвида, понятное дело, сколачивается любопытствующая публика всех мастей, и все вместе они радостно шагают по жизни. В эти дни молодого премьера можно частенько увидеть застрявшим в пробках в его персональном “Ягуаре”. От сопровождения полицейских мотоциклистов Дэвид решительно отказывается.

Наконец, Кэмерон с семейством по-прежнему проживает в своем уютном частном доме, в престижном лондонском районе Ноттинг-Хилл, не проезжая в весьма казенного духа служебную квартиру над премьерской канцелярией на Даунинг-стрит, 10. Точно так же до сих пор не передвигается в соседнюю с премьером служебную квартиру и новый канцлер казначейства Джордж Осборн» (<http://www.rg.ru/2010/05/24/kameron.html>).

¹⁵ <http://news.mail.ru/politics/3886340/>

логовое и таможенное регулирование, установление минимальных социальных гарантий. В перспективе в логике становления непосредственной демократии вполне может реализоваться идея о делегировании властных полномочий “снизу вверх”, от человека к наиболее близкому к нему уровню власти – местному самоуправлению. Это происходит через уплату налогов. Муниципалитет в свою очередь делегирует часть своих полномочий провинции, которая, в конечном счете, передает на общенациональный уровень вместе с соответствующим финансированием то, что ей не под силу¹⁶.

Таким образом, функции центральной власти и ее финансовые ресурсы формируются по “остаточному принципу”, что из современной практики в отдаленной степени напоминает такие федеративные страны как США, Канада, Австралия, Германия, Швейцария и ряд других. Но и там роль местного самоуправления, видимо, будет существенно повышаться.

Разворот властной деятельности в сторону приоритета муниципалитетов повлечет за собой не только перекаривание взаимоотношений между бюджетами различных уровней власти, но и пересмотр структуры бюджетных расходов.

В связи с уменьшением числа осуществляемых функций государство будет стоить налогоплательщику меньше, чем во время господства бюрократии,

когда любое сокращение числа чиновников “почему-то” приводит к росту их количества.

Зато существенно большее место в структуре бюджетных расходов займут социальные программы. Здесь и помощь депрессивным регионам (на что указывали Евгений Сабуров и Александр Шохин), и образование, и здравоохранение, и охрана окружающей среды, и многое другое из того, что через механизмы непосредственной демократии каждый конкретный человек и местные сообщества оценят в качестве необходимого. Тем самым на новый уровень выйдет процесс социальной интеграции общества.

Новое осмысление системы ценностей, реализация принципов самоограничения материального потребления, усиление социальной ориентации общественного развития вместе с продолжающейся технологической революцией на базе ресурсо-, энерго- и трудосбережения и быстрого повышения производительности труда сильно меняют структуру экономической активности и занятости.

Продолжится уменьшение числа людей, занятых в сфере добычи и первичной переработки сырья, выработки электроэнергии. Зато вырастет число тех, кто непосредственно связан с производством человеческого капитала и удовлетворением социальных потребностей. В связи с неизбежным старением населения, повышением в нем доли пожилых людей возникнут мощные сектора экономики, обслуживающие именно этот контингент. Намного больше людей будет занято и в системе медико-социальной реабилитации инвалидов, а также детей и взрослых, находящихся в сложной жизненной ситуации. Эти сектора будут представлены преимущественно некоммерческими организациями и малым бизнесом, реализующими общественный заказ на оказание тех или иных социальных услуг через соответствующее бюджетное финансирование, предоставляемое на конкурсной основе. В дополнение к этому еще более укрепятся – и нравственно, и при помощи финансовых стимулов для жертвователей – институты благотворительности и волонтерства.

И еще один очень важный сдвиг, касающийся *понимания сути глобализации*. Когда об этом процессе заговорили как о факте в конце прошлого века, то речь шла о вестернизированной стандартизации жизни. Название “Макдональдс”, например, стало нарицательным, и повсеместное появление этих закусок способствовало возникновению радикального антиглобализма. Но опасения по поводу стирания границ появились (и существуют до сих пор) не только у радикалов,

¹⁶ Именно этот процесс в свое время описали Евгений Сабуров и Александр Шохин: “Нашей **основной ответственностью** была и будет ответственность **перед собой и своей семьей**. **Дополнительная, общественная ответственность**, которую мы принимаем на себя, каждый раз должен проверять с точки зрения как ее целесообразности, так и невозможности нести ее одному. Мы отдаем свои ресурсы в виде налогов, сборов и добровольных трансфертов на тот уровень организации общества, который наиболее приспособлен для осуществления тех или иных общественных задач. (...) Отсюда ясно, что ресурсы для решения дополнительных, неподъемных для отдельной семьи задач в области жилищного строительства, жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения должны быть сосредоточены **на уровне местного самоуправления**, в муниципальных и сельских образованиях. Однако люди должны постоянно контролировать этот процесс, чтобы властолюбивые личности не отбирали наши доходы тогда, когда мы можем решать свои задачи самостоятельно. **На уровне субъекта федерации** могут быть сосредоточены лишь ресурсы, которые мы согласны выделить для поддержания своей национальной, культурной и местной идентификации в той мере, в которой мы не способны поддерживать ее сами. **На уровне федерации** обществу целесообразно концентрировать ресурсы для решения тяжелой для нас проблемы государственного долга, содержания армии, помощи населению депрессивных регионов” // Независимая газета. 25 03. 2000 (<http://www.hse.ru/pressa/ng/20000325.htm>).

но и у широких общественных кругов стран, подвергшихся нашествию национально обезличенной массовой культуры и транснациональных корпораций, которые принесли унифицированные правила ведения бизнеса. Речь идет об угрозе национальной идентичности и потере, по крайней мере, значительной части государственного суверенитета.

Но те сдвиги в общественном сознании, в целеполагании, о которых говорилось выше, могут серьезно изменить ситуацию. Например, пересмотр отношений с окружающей средой не может не привести к формированию ценностного института *толерантности*, то есть уважительного отношения к “инаковости”. Это распространяется и на этническую, профессиональную, социальную сферы. Конечно, процесс развития этих новых отношений весьма сложен и непрямолинеен. Достаточно упомянуть, к примеру, о запрете на ношение паранджи во Франции и на строительство минаретов в Швейцарии. Но лучше пытаться зафиксировать нормы толерантности законодательно, идя путем проб и ошибок, которые будут исправлены, чем отрицать саму необходимость поиска путей бесконфликтного и даже солидарного сосуществования многочисленных идентичностей, которые рождает цивилизация европейского типа. Именно в этом *поиске механизмов сотрудничества “инаковостей” и заключается суть глобализации XXI века.*

НОВЫЕ АСПЕКТЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА

Просматривающиеся перспективные тенденции личностного, общественного, политического и экономического развития характерны только для существующей цивилизации европейского типа. Она охватывает страны так называемого “золотого миллиарда” (включая Японию, несмотря на ее историческое и культурное своеобразие)¹⁷. Как уже было сказано, речь идет не о добровольном снижении достигнутых стандартов жизни, а об их сохранении и наполнении новым ценностным и социальным смыслом. Но остальное население земного шара (а это почти 6 млрд. человек¹⁸) жи-

вет в условиях малообеспеченности (как, например, Россия) или даже нищеты. Поэтому задача добровольного самоограничения материального потребления перед ними пока не стоит. Именно на этом различии общественных мотиваций и начинается складываться *новая* суть конфликта между двумя неравными частями земной цивилизации.

Если в XIX–XX вв. наиболее развитые страны укрепляли свою экономическую мощь и улучшали благосостояние жителей путем эксплуатации остальной части мира, то сейчас “золотой миллиард” постепенно занимает оборонительную позицию, стремясь сохранить достигнутое. Это получилось как из-за попыток “остального мира” взять реванш, так и потому, что внутри обществ наиболее развитых стран растет представление о необходимости покаяться за содеянное в колониальные времена. Отсюда – все большие масштабы безвозмездной помощи менее развитым странам, которые тем не менее никак не удовлетворяют запросов, предъявляемых к “золотому миллиарду”. Отсюда и фактически уже полуоткрытые границы Европы, Северной Америки, Австралии для мигрантов из слаборазвитых стран.

Но напряженность конфликта по очень условной линии “Север–Юг” не спадает. В последние годы наряду с традиционной обличительной риторикой возникло такое явление, как поднявшийся терроризм, растет угроза бесконтрольного распространения ядерного и другого оружия массового поражения. Однако даже не это самое сложное. Куда труднее войти в положение друг друга, понять противоположную сторону. Этому мешают причины как объективные (прежде всего разница материального положения, тяжелое историческое наследие взаимоотношений и культурно-конфессиональные особенности), так и субъективные (в первую очередь, игры политиков).

Чем закончится этот конфликт – отдельная тема. Однако не исключено, что еще достаточно долго он будет обостряться, одним из последствий чего станет настоятельная необходимость присоединиться к какой-либо из сторон. На какой же стороне окажется Россия?

Если говорить о параметрах развития экономики и достигнутом уровне жизни, то Россия является, по классификации международных финансовых организаций, среднеразвитой страной. Причем динамика этих параметров до кризиса, начавшегося в 2008 г., все более сокращала отставание России, в частности от стран “восьмерки”. Казалось бы, еще несколько лет и этот разрыв будет преодолен. Так, согласно принятой федеральным правительством Концепции социально-

¹⁷ Численность населения в миллиард связана с численностью суммарного населения таких стран и регионов, как США, Канада, Австралия, Евросоюз, Новая Зеландия, Япония, Израиль к началу третьего тысячелетия (http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%B4).

¹⁸ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

экономического развития страны на период до 2020 г., “в 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности)”¹⁹. Сейчас, в середине 2010 г., всем экспертам уже видно, что эта цель недостижима прежде всего из-за продолжающейся ориентации нашей экономики на примитивный экспорт необработанных природных ресурсов. Но проблема куда глубже: в России очень сильно испорчен инвестиционный и предпринимательский климат, что является прямым следствием отсутствия в стране критической массы тех пяти работающих институтов, которые присущи цивилизации европейского типа; о них было сказано выше.

Таким образом, если Россия все же хочет встать в один ряд с наиболее развитыми страна-

ми, то нам надо пройти очень ответственный и тяжелый период модернизации всех основных сфер общественной жизни, а не просто заменить устаревшие “железки” на другие, более производительные. И как можно быстрее включиться в ту мировоззренческую работу, которая уже началась на совокупном Западе. Попытки занять промежуточную позицию, играть роль некоего посредника между двумя противоборствующими сторонами чреваты окончательной потерей шансов на реализацию европейского вектора развития России. Тогда прогнозные сценарии ведут нас к таким историческим тупикам, как утрата национально-культурной идентичности, а, может быть, даже потеря территориальной целостности.

Ключевые слова: глобализация, российская модернизация, цивилизация европейского типа, институты, мировой конфликт.

¹⁹ <http://www.youngscience.ru/753/820/978/index.shtml>.